

Канна В. Ю.,

кандидат філологічних наук,
доцент кафедри теорії і практики перекладу
Маріупольського державного університету

ТОПОНИМНЫЕ ПЕРИФРАЗЫ: ПУТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ

Аннотация. На материале языков разного типа рассмотрены некоторые факторы, мотивирующие развитие коннотативной сферы топонимов и открывающие возможности для последующего их употребления в качестве средства «сравнения-отождествления» в топонимных перифразах.

Ключевые слова: коннотация, коннотонимизация, топоним, коннотативный оним, топонимная перифраза.

Постановка проблемы. Тема, вынесенная в заглавие, находится на стадии изучения. В этой связи следует разобраться с тем, в каких позициях возникают топонимные перифразы, во всех ли параметрах они совпадают у собственных имен и нарицательных существительных, наконец, имеются ли различия в свойствах (в первую очередь, семантических) обсуждаемых позиций, если функционируют различные виды топонимов. Разумеется, ответить на все вопросы в рамках одной статьи трудно, однако попытаться хотя бы гипотетически представить «корни» речемыслительных процессов, приводящих к возникновению перифрастических именованных различных топографических объектов в системе номинации вообще, по-видимому, можно.

Анализ последних исследований и публикаций. Разработкой теории ономастической перифразы занимается В.М. Калинин. В своей работе «Поэтика онима» В.М. Калинин дает определение ономастической перифразы и предлагает основные модели ее построения [1]. Топонимные перифразы также исследовались в работах Е.С. Отина [2, 3], А.Б. Новикова [4] Л.Н. Гуковой, Л.Ф. Фоминой [5] и др.

Цель статьи – исследование факторов, мотивирующих развитие коннотативной сферы топонимов и открывающих возможности для последующего их употребления в топонимных перифразах. Опираясь на труды Е.С. Отина [2, 3], посвященные коннотативным онимам русского языка, а также на лексикографические источники других исследователей, так или иначе представляющие это явление в разных языках, можно понять типичные черты когнитивно-речевой деятельности, в основе которой лежат механизмы сравнения и переноса.

Изложение основного материала. Понятно, что дописьменная стадия развития человеческих языков намного продолжительнее того периода, который связан с появлением письменности и текстов, фиксирующих состояние языка. К сожалению, современным языковедам, исследующим историю происхождения и развития языка, доступны только тексты. А вся дописьменная эпоха является областью гипотез. Если бы ученым в наиболее древних текстах на любом из человеческих языков удалось найти следы такой формы мышления, в которой

сравнение как фактор и показатель отсутствует, можно было бы говорить о какой-то хронологии. По нашему мнению, процесс становления человеческого способа осмысления окружающего мира по длительности равен всей истории развития Homo sapiens. И вполне возможно, что подсознательно или интуитивно измерять, сравнивать и сопоставлять предметы и явления человек начал в те далекие времена, когда его вторая сигнальная система пребывала еще в зачаточном состоянии. Если это предположение правильное, то необходимость в поиске истоков сама собою отпадает, однако это не значит, что нас не должны интересовать вопросы, касающиеся универсальности способов сравнения.

По мнению многих ученых, да и по нашим собственным наблюдениям, ряд семантико-синтаксических позиций, в которых реализуются или формируются коннотативные свойства топонимической лексики, носит универсально-языковой характер. Ключом к пониманию причин появления, например, таких конструкций, в которых два предмета или явления на основании их сходства фактически отождествляются, но в сознании языковой личности одновременно присутствует понимание того, что отождествление не вполне адекватно, является знание о первенстве. Именно оно ведет к тому, что в перифрастическом обороте обязательным становится средство указания на приоритет. К ним можно отнести, например, случаи сравнительно-сопоставительного использования «прецедентных» топонимов в сопровождении продуктивных (в плане развития коннотативных свойств) определений типа «второй», «другой», «новый». Возможны и другие слова, обладающие сходной (указывающей на приоритет) семантикой. Довольно часто эти определения становятся компонентом нового (вполне официального) топонима, при этом такой прием именованья распространяется как на значительные топообъекты, так и на заурядные. Так, на территории США есть значительное число крупных объектов, в составе именованья которых присутствует компонент «new»: New Bedford (город), New Canaan (город), New England (территория, включающая штаты Массачусетс, Мэн, Вермонт, Нью-Гемпшир, Род-Айленд, Коннектикут), New Hampshire (штат: от *Hampshire* – графство в Англии), New Haven (город), New Jersey (штат: от *Jersey* – остров на юге Англии в проливе Ла-Манш), New Mexico (штат), New Orleans (город), Newport (фешенебельный город-курорт), New River (река), New York (штат и город)¹. Административный центр округа Хвамбо в Анголе носит португальское название Nova Lisboa (Нова Лижбóа) – Новый Лиссабон. Nowa Ruda и Nowa Sól – имена небольших промышленных городов в Польше. New Britain (Новая Британия) и New Guinea (Новая Гинейя) – названия островов в Тихом океане, данные английскими мореплавателями. A Nouvelle Calédonie² – французское название группы островов в юго-западной части Тихого океана. В Но-

¹ Последний (New York City) возник на месте основанного голландскими поселенцами в XVII веке городка New Amsterdam.

² От Каледония, Caledonia – латинское название Шотландии.

воодесском районе Николаевской области есть поселок городского типа, называющийся *Новая Одесса*. В составе названий населенных пунктов Донецкой области в той или иной форме довольно часто встречается компонент *нов-*: *Новгородское* (поселок городского типа), *Новоазовск* (город, районный центр), *Новоамвросиевское* (поселок городского типа), *Новогригорьевка* (поселок городского типа), *Новогородовка* (город), *Новодоонецкое* (поселок городского типа), *Новотроицкое* (поселок городского типа), *Новоэкономическое* (поселок городского типа). Последний пример, с одной стороны, интересен тем, что основанием для номинации служит не другой, более старый, более известный топообъект, а словосочетание «новая экономика» или, возможно, даже «новая экономическая политика» с последующей редукцией мотивирующего словосочетания. С другой стороны, он дает повод для методического вывода: сходство и даже совпадение внешней формы не является основанием для утверждения, что эти топонимы образованы по одинаковой семантико-словообразовательной модели.

Коннотативная способность топонимов является важным фактором, сближающим свойства собственных имен со свойствами нарицательных. Она развивается в тех случаях, когда какие-либо предметы или явления на основании явного или отдаленного сходства оказываются в когнитивно-речевой ситуации сравнения. Кроме того, коннотативная топонимия формируется в контекстах, имеющих эстетическую направленность, при выполнении топонимической лексикой оценочно-характеризующей функции. По мнению В.Н. Михайлова, высказанному им в работе «О семантико-синтаксическом аспекте собственных имен в русской речи», наиболее активно характеризующая функция собственных имен в целом (следовательно, и топонимов – В. К.) проявляется в нескольких синтаксических позициях: «Для собственных имен <...> таковыми являются позиции сказуемого двусоставного предложения <...>, приложения (обособленного и необособленного <...>), обращения <...>, а также главного члена некоторых видов односоставного предложения – «номинативно-сказуемого» типа <...> или вокативных <...>» [5, с. 120]. К позициям, отмеченным В.Н. Михайловым, необходимо добавить позиции несогласованного определения (особенно активного в генетивных конструкциях), а также разнообразные формы сравнительных конструкций, включая обороты с творительным падежом сравнения или сравнения-отождествления.

Особый интерес для ономастики представляют многочисленные, зафиксированные в разных языках (как правило, двухкомпонентные) определительные сочетания, которые Е.С. Отин относит к топонимическим перифразам. В них оба компонента связаны с топонимией: один является главным (первичным) словом-топонимом, а другой представляет собой либо географический термин, либо оттопонимное образование-определение. Например, в словаре Е.С. Отина зафиксированы следующие топонимические перифразы: 1) с компонентом *Афины*: **Вольынские Афины** (г. Острог), **южнорусские Афины** (г. Харьков), **сибирские Афины** (г. Томск), **северные Афины** (г. Эдинбург), **американские Афины** (г. Бостон), **Афины Германии** (г. Мюнхен), **ливонские Афины** (г. Тарту), **черноморские Афины** (г. Одесса) [3, с. 61]; 2) с компонентом *Венеция*: **Дунайская Венеция** (город Вилково в гирле Дуная, Одесская область Украины), **Славянская Венеция** (район Шпревалльд в Германии), **Северная Венеция** (город Брюгге в Бельгии), **Американская Венеция** (г. Нью-Орлеан): «*Нью-Ор-*

леан можно было бы назвать американской Венецией (ведь он, подобно Венеции, стоит на воде)» (Ильф И., Петров Е. «Одноэтажная Америка»)[3, с. 103].

Еще одной структурообразующей основой для топонимных перифраз стали официальные топонимы, назначение формы которых – за счет уточнения отличать одноименные, но находящиеся в разных местах объекты типа Ростов (Великий) и **Ростов-на-Дону**. По этой модели созданы топонимные перифразы **Вавилон-на-Гудзоне** (г. Нью-Йорк), **Вавилон-на-Сене** (г. Париж) и т. д. В словаре Е.С. Отина зафиксирована еще одна интересная форма топонимной перифразы «**желтый Вавилон**» – Шанхай (Ильина Н. «Судьбы. Из давних встреч») [3, с. 81]. Природа ее иная, но она представляет еще одну, сравнительно продуктивную модель образования топонимных перифраз. В подавляющем большинстве случаев (так же, как и в последнем приведенном примере) такие топонимные перифразы являются окказиональными индивидуально-авторскими образованиями. Несмотря на это, они имеют огромное значение для развития языка по двум причинам. Во-первых, они поддерживают интерес носителей языка к подобному речетворчеству, во-вторых, являются важным источником пополнения лексики и фразеологии языка в тех случаях, когда удачное окказиональное образование становится достоянием языка.

Хорошо известный носителям русскоязычной культуры пример – фантазмагорическое превращение (в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок») захолустных *Васюков* в *Нью-Москву*, а затем (уже за пределами романа) широкое распространение в речи (особенно художественной) разнообразных **Нью-Васюков**. Вспомним, как вещал воодушевленный собственным авантюризмом Остап Бендер: «*Подумайте, что будет, когда турнир окончится и когда уедут все гости. Жители Москвы, стесненные жилищным кризисом, бросятся в ваш великолепный город. Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда приезжает правительство. Васюки переименовываются в Нью-Москву. Москва – в Старые Васюки. Ленинградцы и харьковчане скрежещут зубами, но ничего не могут поделать. Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро – и всего мира*» [3, с. 97]. Словарь Е.С. Отина квалифицирует топоним *Васюки* как узуальный интралингвальный коннотативный литературный топоним с широким диапазоном употребления. Коннотации «провинциальный, захолустный городишко» + «обуреваемый жаждой славы» + с «отсталым укладом жизни» стали основой для развития новых, уже оттопонимных коннотем: 1) дело, основанное на непомерных амбициях его исполнителей, на желании выделиться, прославиться: «*В промежутках между уколами, повязками и операцией Чарльс рассказывает о себе. После «Годуновского» (название совхоза – В. К.) устроился ветврачом в подсобное хозяйство опытно-медицинской академии. Звали сами, рисовали на перспективу Нью-Васюки и, разумеется, ввали. Хозяйство плохое, организация дела – отвратительная*» («Комс. правда», 1991 г., 18 янв.); 2) место проведения шахматного турнира и сам турнир: «*Сувениры с символикой «Труда» получили все участники необычного турнира в колонии, которая в этот день стала рязанскими «нью-васюками», – естественно, в хорошем шахматном смысле*» («Труд», 2000 г., 14 марта; из статьи «Нью-Васюки» строгого режима», в которой сообщается, как чемпион мира по шахматам А. Карпов провел в рязанской колонии блицтурнир с осужденными); 3) населенный пункт, неожиданно получивший широкую из-

вестность; «город-высочка»: «Всю жизнь у нас две столицы, и тут возникает третья, о которой никто даже не знает, где она находится, – «Огарево, Огарево, Огарево...» Привыкли, как что подписывают или решают – так в Кремле. И тут возникает ново-огаревский договор – типа сан-стефанского мира или еще чего-то подобного. То есть некие «Нью-Васюки» внедряются в сознание на уровне столичном, государственном» («Собеседник», 1991 г., № 31; из интервью с тележурналистом Парфеновым). На этой почве формируется уже стабильно работающий механизм речетворчества. И каждому читателю «Комсомольской правды» понятна ирония в именовании столицы Калмыкии г. Элисты **Нью-Васюками-2**: «По одной из версий, деньгами президент-премьер собирается помочь обездоленным гроссмейстерам всего мира, паломничество которых в шахматную Мекку (или Нью-Васюки-2 – кому как нравится) Илюмжинов ожидает уже в ближайшее время» («Комс. правда», 1998 г., 18 февр.) [3, с. 97–98].

В американском варианте английского языка также распространены словосочетания экспрессивно-оценочного характера. Так, ряд штатов США (Западная Виргиния, Колорадо, Мэн, Нью-Хампшир (Гемпшир) (New Hampshire), Нью-Джерси) имеют прозвание **Zwitzerland of America** – «Американская Швейцария». Крупнейший молодежный курорт США – Fort Lauderdale называют **Venice of America** – Американская Венеция [6].

Связь топонимов с культурой и историей ведет к тому, что информация, связанная с событиями, происходящими в конкретном месте, закрепляется за именем и включается в его смысловую сферу, становится компонентом семантики. По мнению И.Э. Ратниковой, относящей окказиональные топонимные перифразы типа **южнорусский Гонконг** (г. Одесса) к топонимическим метафорам, в основе замысла топонимной метафоры лежит намерение передать мысль по поводу какой-либо ситуации через оценку некоего топоса. В таких случаях в семантической структуре топонимов активизируются коннотемы, отсылающие, с одной стороны, либо к внутренней форме имени, либо к его внешним (фоносимволическим) свойствам, а с другой – к различного рода свойствам топообъекта или к событиям, связанным с этим местом. Таковы, например, различные вторичные образования, связанные с онимом *Уотергейт*: **Уотергейт-2**, **Новый Уотергейт**, **посмертный Уотергейт Франсуа Миттерана**, **Уотергейт-бис**, **Сеульский Уотергейт**, **газовый Уотергейт** (употребления в функции хрононимов) [7, с. 145]; новообразования с корневой морфемой **-гейт**, превратившейся во многих языках в суффиксид, который превращает хорошо знакомые всем слова в понятия, обозначающие очередной скандал (**Джонсонгейт**, **Ирангейт**, **Картергейт**, **Марипольгейт** и др.): «Как заключил один телебозреватель, очень похоже, что с «Моникагейта» может начаться пересмотр американских стандартов гласности и морали...» («Труд», 1998 г., 11 февр.) [3, с. 341]. Интересны топонимные метафоры и перифразы с топонимами Перл-Харбор в значении «поражение, крах, катастрофа» (**энергетический Перл-Харбор**, **экономический Перл-Харбор** [3, с. 278]; **Чернобыль** (**потенциальный Чернобыль**, **подводный Чернобыль**, **политический Чернобыль**, **Чернобыль духовный**) и др. [7, с. 163].

Выводы. В ходе совершенствования образной сферы речи и развития языка наиболее удачные приемы создания эстетического эффекта становятся примером для подражания и заимствования. Именно поэтому большой интерес представляет изучение механизмов мотивации переносных именовании. Приведенные примеры, по нашему мнению, убедительно показывают как типологичность, так и окказиональность, свойственные процессу речетворчества в части развития коннотативных свойств топонимии в перифрастических оборотах, демонстрируют в основном экстралингвальный характер мотивации. Одновременно проявляются и собственно языковые механизмы распространения и сохранения освоенной картины мира через конкретные лексические и фразеологизированные единицы. Все это важно, прежде всего, для истории языка, т. к. довольно часто мотивы переноса в сравнительно короткий срок забываются. С другой стороны, знание того, как работают различные механизмы порождения речи в сочетании с исследованием путей узуализации творческих находок должно способствовать углублению представлений о когнитивно-речевой «лаборатории языка». Задача последующих работ – дальнейшее изучение факторов, формирующих коннотативную сферу семантики топонимов, изучение роли ментальных процессов сравнения и оценки в формировании коннотативной сферы семантики топонимов.

Литература:

1. Калинин В.М. Поэтика онима / В.М. Калинин. – Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.
2. Отин Е.С. Труды по языкознанию / Е.С. Отин. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
3. Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен / Е.С. Отин. – Донецк : ТОВ «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.
4. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики) / А.Б. Новиков. – М.: Рус. яз., 1999. – 224 с.
5. Гукова Л.Н. Художественная характеристика топонимов в творческом наследии А.С. Пушкина : [словарь] / Л.Н. Гукова, Л.Ф. Фомина. – Одесса : Фотосинтетика, 2004. – 191 с.
6. Томахин Г.Д. Америка через американизмы / Г.Д. Томахин. – М.: Высшая школа, 1982. – 256 с.
7. Ратникова И.Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И.Э. Ратникова. – Мн.: БГУ, 2003. – 214 с.

Канна В. Ю. Топонімні перифрази: шляхи виникнення й історичні долі

Анотація. На матеріалі мов різного типу розглянуто деякі фактори, що вмотивовують розвиток конотативної сфери топонімів та відкривають можливості для подальшого їх використання у якості засобу «порівняння-ототоження» у топонімних перифразах.

Ключові слова: конотація, конотонімізація, топонім, конотативний онім, топонімна перифраза.

Kanna V. Toponymic pariphrasis: ways of formation and historical destinies

Summary. The article studies some factors facilitating the development of toponyms' connotative sphere and opening up opportunities for their further usage as a means of "comparison-identification" in toponymic pariphrasis in different languages.

Key words: connotation, connotonimisation, toponym, connotative onym, toponymic pariphrasis.